

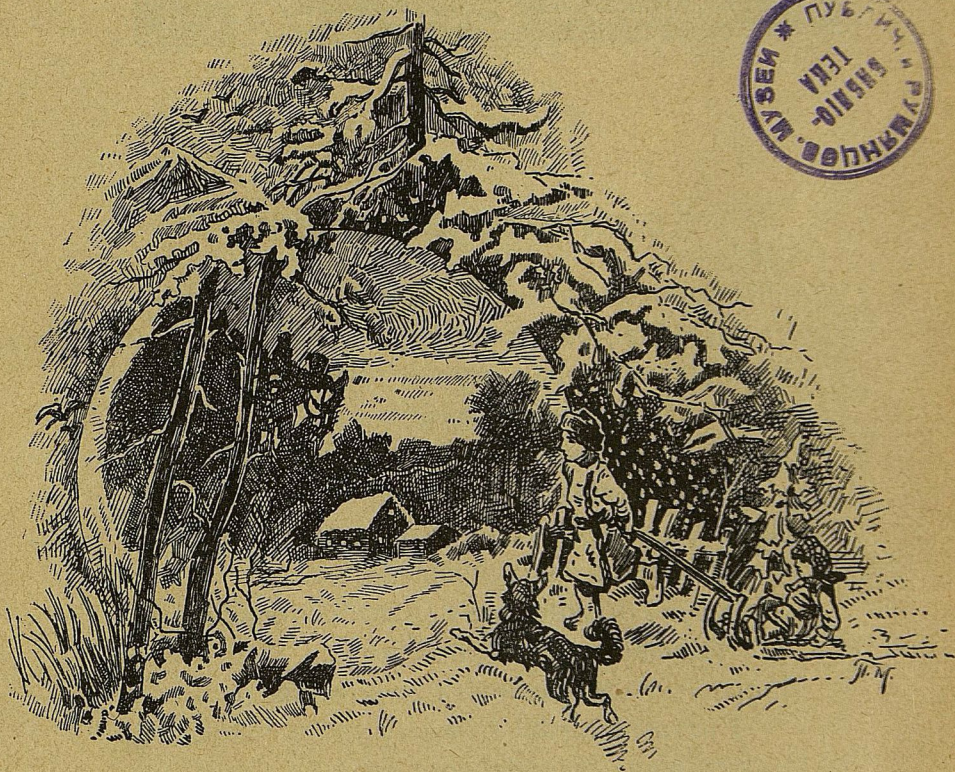

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 5.

15 Марта.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

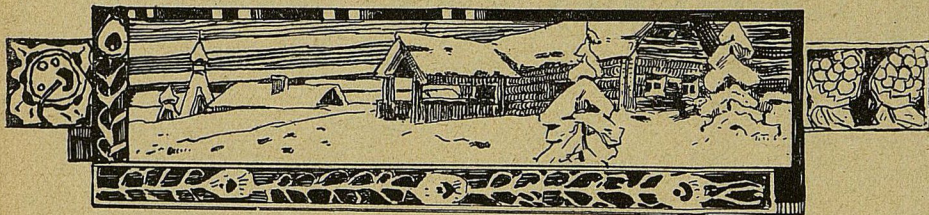

З и м а .

Рис. Иванова.

№ 5.

15 Марта
1908 г.

Колыбельная пѣсня.

Спи, дорогой мой, спи, зоренька ясная!
Бай-баю, баюшки-бай!
Жизнь лучезарная, чудно прекрасная
Свѣтлые сны навѣвай!
Скоро, мой соколъ! Отъ дѣтскаго лепета...
Горе, печаль впереди.
Выростешь—смѣло, безъ страха и трепета,
Къ этимъ печалямъ иди.
Страху не нужно, мой милый, тоскливаго;
Правда и сила—твой путь;
Много и такъ на землѣ сиротливаго
Рвется скорѣй отдохнуть.
Не отдыхая, съ улыбкою ясною,
Смѣло невзгоды встрѣчай!
Вѣрь мнѣ: за ними, за мглою ненастною,
Жизнь и свобода и Рай!
Спи же, сынокъ мой, ты въ ночь эту сѣрую,
Къ свѣтлымъ приникнувши снамъ.—
Время придетъ—и я съ твердою вѣрою,
Самъ тебя жизни отдамъ!..

Жизнь лучезарная, чудно прекрасная
Свѣтлые сны навѣвай!
Спи, мой хорошій, спи, зоренька ясная
Бай-баю, баюшки-бай!

Петръ Переваловъ.

Ласточкѣ.

(Турецкая пѣсня).

„Вьешь ты гнѣздо у меня надъ окномъ;
„Но вѣдь суровъ, непригляденъ мой домъ.
„Ты беззаботно щебечешь надъ нимъ,
„Въ волнахъ вечерняго свѣта играя.—
„Въ воздухѣ коршунъ стоитъ недвижимъ,
„Такъ берегись же, родная!“

Ласточка только играла въ отвѣтъ,
Небу, землѣ посылая привѣтъ...
Коршунъ, вдругъ, бѣдную въ когти схватилъ!
Бьется въ нихъ ласточка, слезы роняя.
— Ты же слыхала, вѣдь я-жъ говорилъ,
Чтобъ береглася родная!

Выше и выше все коршунъ летитъ,—
Ласточки сердце тоскою дрожитъ.
Смотритъ она на далекий мой домъ,
Розы, цвѣты, что росли подъ окномъ.
Въ высь безпредѣльную, вдаль улетаю,
Слышитъ какъ лѣсъ прошумѣлъ невзначай.
Дальше, все дальше картина родная...

— Бѣдная птичка, прощай!

П. Переваловъ.

Въ глубь вѣковъ

Таинственныя приключенія европейцевъ 100.000 лѣтъ тому назадъ.

П. Джунковскаго.

(Продолженіе).

— Да что же это такое, кричалъ онъ, обращаясь почему то прямо къ Іогану, неужели же этотъ господинъ воображаетъ, что мы будемъ сидѣть здѣсь цѣлую вѣчность! И зачѣмъ только наняли мы именно его, тогда какъ могли взять кого нибудь и понадежнѣе; мнѣ еще вчера лицо этого франта показалось очень подозрительнымъ.

— Но вѣдь проводника нанимали-то вы сами, господинъ профессоръ.

— Ну такъ что же,—я сдѣлалъ это только потому, что никто изъ васъ ничего не возражалъ противъ этого.

— Неужели же, дядя, ты думаешь, что нашъ проводникъ сбѣжалъ и покинулъ насъ?

— Ахъ Боже мой, что за фантазія, съ какой стати сталъ бы онъ убѣгать отъ насъ, заработавъ уже добрую половину условленной платы! Дѣло, конечно, вовсе не въ томъ, и я увѣренъ, что этотъ зѣвака, просто на просто распустилъ сегодня ночью своихъ лошадей, а теперь потратитъ Богъ знаетъ сколько времени на то, чтобы снова собрать ихъ...

— Пожалуй, что это очень вѣроятное объясненіе его исчезновенія, въ раздумьѣ проговорилъ Ганцъ.

— Ну, дядя, перестань волноваться, этимъ все равно горю не поможешь. Вотъ погляди-ка лучше на нашу добычу, изъ которой Іоганъ навѣрное приготовитъ вамъ какія нибудь удивительныя блюда въ индійскомъ вкусѣ, такъ какъ это навѣрно представители мѣстной флоры и фауны; говоря

такимъ образомъ, Бруно разложилъ на песокѣ принесенную имъ рыбу и растенія.

Раздраженный Курцъ удостоилъ бросить на все это лишь мимолетный взглядъ, но очевидно и этого было достаточно, чтобы произвести въ немъ поразительную перемѣну, немало удивившую всѣхъ присутствовавшихъ. Глаза его вдругъ расширились, руки поднялись кверху, ротъ полуоткрылся, на лицѣ застыло выраженіе безпредѣльнаго изумленія. Одну минуту стоялъ онъ неподвижно, потомъ, схвативъ въ одну руку стебель растенія, а въ другую—диговинную рыбу, онъ выбѣжалъ изъ пещеры, и при яркомъ свѣтѣ утренняго солнца, съ напряженнымъ вниманіемъ принялся разсматривать, и то и другое.

Удивленные столь необыкновеннымъ поведеніемъ ученаго мужа, спутники его послѣдовали за нимъ и нѣкоторое время почтительно хранили молчаніе, которое прервалъ Бруно, обратившись къ профессору со слѣдующими словами:

— Объясни же намъ, наконецъ, дядя, почему это ты такъ заинтересовался всѣмъ этимъ; вѣдь до сихъ поръ ты не былъ, кажется, ни ботаникомъ, ни зоологомъ.

— Да... Но за то я всегда былъ, и всегда буду археологомъ! величаво отвѣтилъ г. Курцъ.

— Археологомъ!.. но какое же отношеніе имѣетъ все это къ археологій?

— Необычайное!.. Прямое!.. Непосредственное!!! Потому что эта рыба и это растеніе жили, или вѣрнѣе сказать исчезли съ лица земли приблизительно около 150.000 лѣтъ тому назадъ.

Слушатели профессора Курца отступили отъ него съ видомъ крайняго недоумѣнія.

— Да, да, вы въ правѣ удивляться, потому что это растеніе ни что иное какъ... а это рыба—*Rhombus minimus*.

О! если бы только я имѣлъ возможность довести ихъ нетронутыми въ Европу, продолжалъ онъ, оглядываясь вокругъ, словно ожидая откуда нибудь помощи.

— Г. профессоръ, заговорилъ Іоганъ, тѣмъ самымъ ласковымъ тономъ, которымъ обыкновенно обращаются къ не совсѣмъ нормальнымъ собесѣдникамъ, я конечно не стану спорить относительно латинскихъ названій, но могу смѣло сказать, что всякій обыкновенный нѣмецъ, назвалъ бы эту рыбу просто ершомъ, котораго я берусь приготовить вамъ подъ бѣлымъ соусомъ съ лимономъ...

— Сами вы полезайте въ вашъ бѣлый соусъ съ лимономъ! Но это сокровище, эту драгоценность вамъ не удастся проглотить ни за какія блага міра!

— Да чего же ты кипятишься, дядя; если ужъ ты такъ дорожишь этой рыбой, то конечно никто изъ насъ, и не подумаетъ посягать на ея цѣлость; а вотъ ты объясни намъ, какимъ образомъ могло случиться, что рыбы и растенія, которыя, по твоимъ же словамъ, перестали существовать 150.000 лѣтъ тому назадъ, попали теперь въ наши руки!

— Не знаю, растеряно отвѣчалъ ученый, могу только сказать, что исчезновеніе этихъ породъ не могло случиться даже и 300.000 лѣтъ тому назадъ...

Іоганъ тихонько дернулъ Ганца за рукавъ.

— Оставьте вы его въ покоѣ, сказалъ онъ шепотомъ, кивая головой на ученаго мужа, развѣ не видите вы какими дистанціями онъ хватается, этакъ ему не долго добратся и до милліоновъ, ну а тогда Богъ знаетъ чѣмъ все можетъ окончиться.

— Да неужели же вы, Іоганъ, серьезно думаете, что дядя потерялъ рассудокъ?

— О нѣтъ! увѣренно отвѣчалъ тотъ, въ головѣ у него слишкомъ много ума, чтобы его можно было потерять въ

одинъ пріемъ; нѣтъ, я просто думаю что это временное затменіе, которое произошло отъ очень большихъ чиселъ и высокой температуры... Іоганъ вѣроятно и дальше продолжалъ бы свои медицинскія догадки, если бы не былъ прерванъ рѣчью самага профессора.

— Друзья мои, заговорилъ тотъ, другъ мой, Фаберъ увѣрялъ меня, что найденныя имъ пещеры принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ человѣческихъ жилищъ, что до него еще никто даже и не приближался къ нимъ, такъ какъ расположены онѣ въ глухой и дикой мѣстности; почему знать, можетъ быть случаю угодно было сохранить въ этомъ счастливомъ уголкѣ, не только слѣды прежней жизни человѣка, но и картину природы, среди которой нѣкогда обитали невѣдомыя, давно исчезнувшія племена... Друзья мои, до этихъ таинственныхъ пещеръ не болѣе двухъ-трехъ часовъ ходьбы. Неужели же мы станемъ дожидать здѣсь возвращенія этого ротозѣя-проводника, и не отправимся немедленно же въ путь. Профессоръ остановился и вопросительно поглядѣлъ на своихъ спутниковъ.

Предложеніе дяди Карла вызвало цѣлую бурю неудовольствія и возраженій со стороны Іогана. Потребовалось употребить не менѣе полчаса на то, чтобы общими силами доказать ему, что такое путешествіе, въ сущности, не болѣе, какъ прогулка, въ ожиданіи возвращенія проводника съ лошадьми. Вещей конечно брать съ собой не придется, ихъ просто можно спрятать здѣсь же въ пещерѣ. Завтракъ можно расширить до придѣловъ обѣда, а возвратиться часамъ къ пяти. Наконецъ Іоганъ согласился хотя, и не особенно охотно.

— Ну что жъ, пусть будетъ по вашему, но, правду вамъ сказать, я все-таки не вижу ничего хорошаго въ этой затѣѣ.

Такимъ образомъ, единодушіе было кое какъ восстановлено, и всѣ дѣятельно принялись за приготовленія. Скоро на столѣ появилась нѣкоторая прибавка къ завтраку, а вещи были искусстно скрыты между каменными глыбами и замаскированы сухими листьями. Завтракали молча и наскоро, особенное же нетерпѣніе проявлялъ, какъ и слѣдовало ожидать, профессоръ Курцъ.

Наконецъ былъ оконченъ и завтракъ. Іоганъ спряталъ посуду и остатки провизіи; братья перекинули черезъ плечи перевязи своихъ магазинокъ, профессоръ захватилъ огромную сумку съ различными приборами и инструментами; Іоганъ метался по всѣмъ уголкамъ пещеры, отыскивая сумку, въ которой была уложенная на всякій случай провизія, но злополучная сумка, какъ нарочно, куда то исчезла.

— Да, будетъ вамъ искать ее, кричалъ г. Курцъ, ожидавшій уже у выхода, вы навѣрное засунули ее вмѣстѣ съ другими сумками подъ камни.

— Помилуйте г. профессоръ, никакъ этого не могло случиться, вѣдь я положилъ ее совершенно отдѣльно отъ другихъ.

— Но неужели же вы не въ состояніи обойтись безъ пищи даже въ продолженіи какихъ нибудь четырехъ часовъ. Вѣдь вы же только что плотно позавтракали!

— Не понимаю,—почему же завтракъ можетъ помѣшать мнѣ позаботиться и объ обѣдѣ. Наконецъ молодые люди положили конецъ начавшейся ссорѣ, уговоривъ Іогана итти безъ провизіи, которая въ концѣ концовъ могла оказаться совершенно излишней въ такой короткой экскурсіи.

Покинувъ пріютившую ихъ пещеру, друзья наши двинулись въ путь, предводительствуемые профессоромъ Курцомъ, который шелъ впереди съ картою въ одной рукѣ и компасомъ въ другой.

Все больше и больше углубляясь въ чашу дѣвственнаго лѣса, они не безъ труда прокладывали себѣ путь среди сплошныхъ папоротниковыхъ зарослей, представлявшихъ, казалось, полную коллекцію видовъ этого растенія.

Дядя Карлъ былъ видимо взволнованъ; онъ находился въ томъ восторженномъ состояніи, которое испытываетъ, вѣроятно, всякій ученый, чувствующій, что каждый шагъ приближаетъ его къ какому то великому открытію.

Вдругъ онъ остановился и, нагнувшись, принялся внимательно разсматривать какое то растеніе. Спутники окружили его и съ любопытствомъ ожидали объясненій ученаго мужа, хотя и не видѣли ничего особеннаго въ томъ папоротникѣ, который остановилъ на себѣ его вниманіе.

Наконецъ дядя Карлъ выпрямился и, схвативъ за руку Іогана, произнесъ съ необыкновеннымъ волненіемъ.

— Да! Сомнѣнія быть не можетъ! Мы находимся въ таинственномъ уголкѣ міра, сохранившемъ еще слѣды давно исчезнувшей жизни. Взгляни-ка, Бруно, на этотъ папоротникъ...

— Во-первыхъ г. профессоръ, я, съ вашего позволенія, вовсе не Бруно, а Іоганъ отвѣчалъ тотъ, а во-вторыхъ—въ этомъ растеніи, по моему, рѣшительно нѣтъ ничего необыкновеннаго,—трава, какъ трава, вотъ и все.

— Трава!.. запальчиво воскликнулъ Курцъ, отталкивая руку Іогана, да вѣдь это..., тотъ самый не..., который украшалъ собою лѣса еще тріасоваго періода, третичной системы, — періода, древность котораго исчисляется многими сотнями тысячъ лѣтъ!

Впередъ, впередъ, друзья мои, я чувствую, что мы на рубежѣ великихъ открытій! Профессоръ, положительно, ринулся впередъ, а за нимъ, хотя конечно съ меньшимъ жа-

ромъ, но все же очень заинтересованные, послѣдовали и его спутники.

— Замѣчаете ли вы, какъ постепенно подбирается онъ къ миллионамъ, вразумительно произнесъ Іоганъ, кивая на высокую фигуру Курца, мелькавшую уже далеко впереди; я всегда побаиваюсь за него, когда ему становится мало тѣхъ чиселъ, которыми довольствуется обыкновенный смертный.

— Пустяки, возразилъ Бруно, больше другихъ раздѣлявшій увлеченіе дяди, можетъ быть намъ и въ самомъ дѣлѣ суждено набрести на необычайную находку, а вѣдь это, согласитесь, можетъ взволновать каждого человѣка.

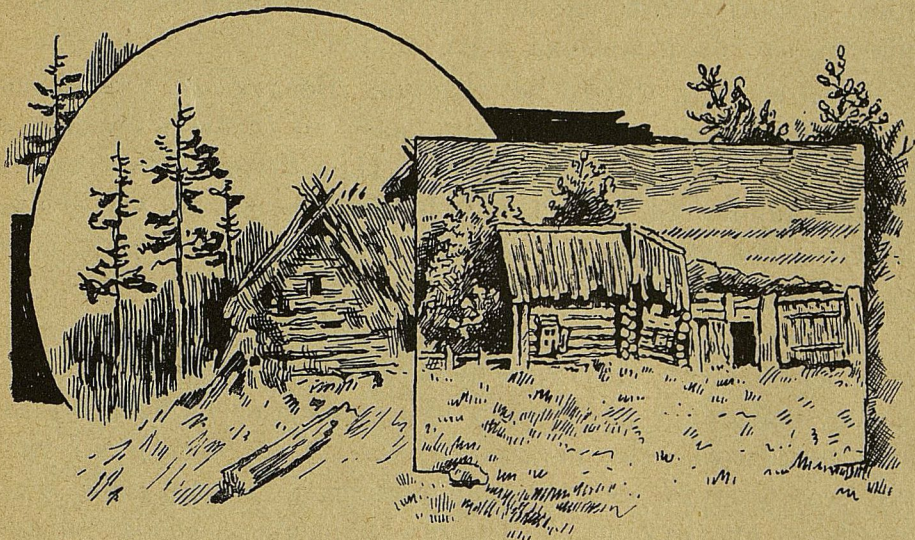
— Посмотримъ, посмотримъ, задумчиво проговорилъ Ганцъ, а пока не будемъ отставать отъ дядюшки, который сегодня превратился кажется въ быстроногую серну.

Побуждаемые этимъ замѣчаніемъ, всѣ трое прибавили шагу, хотя не прошло и десяти минутъ, какъ толстенькій Іоганъ, путаясь среди папоротниковыхъ зарослей и обливаясь потомъ, уже значительно поотсталъ отъ братьевъ, которые въ свою очередь никакъ не могли догнать неудержимо мчавшагося впередъ профессора, по временамъ совершенно исчезавшаго въ лѣсной чащѣ.

Въ такомъ бѣгѣ прошло уже около часа, когда вдругъ профессоръ окликнулъ своихъ спутниковъ, торопя ихъ поспѣшить къ нему.

Конечно всѣ бросились на его зовъ, несмотря на утомленіе и жару, уже дававшую себя чувствовать. Скоро они догнали ученаго, который стоялъ на берегу какой-то рѣки и растерянно глядѣлъ на свою карту.

Воздухъ.

Воздухъ окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ, гдѣ бы мы ни были на землѣ.

Это онъ вѣетъ намъ въ лицо легкимъ вѣтеркомъ. Это онъ свирѣпымъ ураганомъ проносится по лицу земли, ломая лѣса и срывая крыши съ построекъ. Это воздухъ волнуется на далекомъ горизонтѣ въ жаркій день надъ золотистыми полями, или дрожитъ надъ раскаленнымъ желѣзомъ. Это онъ шумитъ отъ полета птицы, воетъ въ трубѣ, играетъ въ свирѣли, шумитъ въ листьѣ и гудитъ, когда его разсѣкаютъ тростью. Это онъ не пускаетъ воды въ стаканъ, погруженный вверхъ дномъ въ воду и выходитъ изъ него пузырями, какъ только мы наклоняемъ стаканъ на бокъ.

Воздухъ—это *легкій и невидимый газъ*, которымъ мы ды-

шимъ; зажмите себѣ на минуту носъ и ротъ и вы сразу поймете, что безъ воздуха жить нельзя.

Газъ не есть что-то неуловимое. Воздухомъ можно надуть бычачій или свиной пузырь, какъ то дѣлають крестьяне для забавы своимъ ребятишкамъ. Наполненный воздухомъ пузырь становится тугимъ и упругимъ настолько, что его не сожмешь; воздухъ ничего на свое мѣсто не пускаетъ, если ему самому некуда отступить.

Воздухъ находится въ каждой „пустой“ посудѣ, напри-мѣръ, въ бутылкѣ. Опустите бутылку внизъ горломъ въ воду; вода не войдетъ туда, потому что все мѣсто въ бутылкѣ занято воздухомъ. Но наклоните посуду на бокъ и вы увидите, что воздухъ изъ бутылки выходитъ пузырьками, а на его мѣсто входитъ вода. Такимъ образомъ, водою можно вытѣснить изъ бутылки весь воздухъ и бутылка будетъ уже не съ воздухомъ, а съ водою.

Какъ же сдѣлать такъ, чтобы бутылка была и безъ воды и безъ воздуха, а *совсѣмъ пустая*? Простыми средствами этого сдѣлать нельзя. Нуженъ *воздушный насосъ*, чтобы выкачать изъ бутылки воздухъ *).

Намъ часто приходится читать и слышать, что воздухъ имѣетъ вѣсъ, но рѣдко кто имѣлъ возможность самъ взвѣсить его на вѣсахъ, какъ муку или сахаръ. Чтобы узнать, сколько воздуху вмѣщается въ четвертную бутылъ, изъ нея надо сначала выкачать воздухъ насосомъ и, плотно закупоривъ, взвѣсить ее совсѣмъ пустую, т.-е. безъ воздуха. Затѣмъ нужно откупорить бутылъ и тогда воздухъ съ шумомъ войдетъ въ нее. Бутылъ потянетъ больше на одинъ золотникъ, чѣмъ

*) Воздушный насосъ дѣйствуетъ на подобіе нашего рта, когда мы высасываемъ воздухъ изъ той же бутылки. — Въ продажѣ есть дешевые воздушные насосы — рублей 5 штука. Подробнѣе см. въ физикѣ.

она вѣсила доселѣ. Значитъ, въ бутылѣ вмѣщается одинъ золотникъ воздуха.

Понятно, чѣмъ больше будетъ посуда, тѣмъ больше въ нее войдетъ воздуха.

Ученые и неученые люди неразъ взвѣшивали воздухъ. Оказалось, что онъ необыкновенно легокъ: въ 770 разъ легче воды. Ведро воды вѣситъ 30 фунтовъ, а ведро воздуха—меньше 4 золотниковъ.

Люди научились летать по воздуху на аэростатахъ, но никто изъ воздухоплавателей не подымался на десятиверстную высоту. Чѣмъ выше вверхъ, тѣмъ рѣже воздухъ. На высотѣ уже девяти верстъ невозможно дышать; туда не залетаетъ ни одна птица.

Такимъ образомъ, воздухъ окутываетъ землю тонкимъ и прозрачнымъ слоемъ, который равномерно облегаетъ земной шаръ со всѣхъ сторонъ. Этотъ воздушный слой называется *атмосферой*. Ученые вычислили, что толщина атмосферы надъ землею равна приблизительно 200 верстамъ.

За предѣлами атмосферы нѣтъ воздуха и никакого другого газа. Тамъ начинается необъятная холодная и черная безвоздушная пустота. Это—міровое пространство, въ которомъ безшумно носятся планеты, окутанныя каждая своею атмосферою, какъ бы легкою дымкою; иногда въ немъ, точно рыбы, проносятся хвостатыя звѣзды — кометы; то тамъ, то сямъ разсѣяны горящія солнца. Несмотря на это, холодъ мірового пространства очень великъ. Предполагаютъ, что онъ достигаетъ 218 градусовъ.

Итакъ, мы живемъ на днѣ воздушнаго океана, внѣ котораго жизнь для насъ немыслима. Вынутые изъ атмосферы, мы умерли бы гораздо скорѣй, чѣмъ рыба, вынутая изъ воды. Птицы плаваютъ въ атмосферѣ, какъ рыбы въ морѣ, опираясь своими крыльями, какъ плавниками, на воздухъ.

Аэростаты всплываютъ наверхъ атмосферы, какъ наполненные воздухомъ пузыри всплываютъ на поверхность воды. Люди и животныя ходятъ по дну этого воздушнаго моря, какъ морскія животныя ползаютъ по дну моря водяного.

*
* *

Люди долго думали, что воздухъ всегда остается газомъ — и въ теплѣ и въ холодѣ. Но въ 1895 году ученые устроили особыя холодильныя машины и въ нихъ такъ сильно охладили воздухъ, что онъ сначала сгустился росой, а потомъ сдѣлался совсѣмъ жидкимъ и тяжелымъ, какъ вода.

Жидкій воздухъ всегда имѣетъ въ себѣ градусовъ 200 холоду. Это такой страшный морозъ, что ртуть отъ него сразу дѣлается твердою, какъ серебро и изъ нея, какъ изъ желѣза, можно ковать вещи. Если въ жидкій воздухъ опустить каучукъ (или резину), то онъ дѣлается звонкимъ и хрупкимъ, какъ стекло. Даже спиртъ въ жидкомъ воздухѣ замерзаетъ *). Дальнѣйшимъ охлажденіемъ воздухъ можно заморозить и онъ сдѣлается твердымъ, какъ ледь.

Такимъ образомъ, воздухъ только потому и существуетъ какъ газъ, что на землѣ у насъ довольно тепло. Сдѣлайся 200 градусовъ морозу и воздухъ будетъ падать дождемъ съ небесъ на мертвую землю ручьями и рѣками побѣжитъ по обледенѣлымъ полямъ. Вода превратилась бы въ камень, а ртуть въ твердый металлъ. Это можетъ случиться тогда, когда погаснетъ солнце. Земля будетъ ледянымъ шаромъ и только небольшія озера жидкаго воздуха будутъ нарушать печальное однообразіе этой замерзшей пустыни.

*
* *

*) Ртуть плавится при 32 градусахъ мороза, а спиртъ при 105°.

Я знаю разсказъ про одного мальчика, который очень боялся грозы.

Однажды, когда родителей не было дома, случилась страшная гроза съ бурей и мальчикъ такъ испугался, что залѣзъ въ пустой сундукъ и закрылся крышкой. Желѣзная петля нечаянно наскочила на пробой и сундукъ захлопнулся. Черезъ нѣсколько минутъ мальчику стало душно. Онъ громко звалъ о помощи и сильно колотилъ въ крышку, но она не могла ни открыться, ни расколоться отъ слабыхъ ударовъ его рученокъ.

Когда родители вернулись домой, то послѣ долгихъ поисковъ нашли, наконецъ, въ сундукѣ бездыханное тѣло ребенка. Горю ихъ не было конца. Они потерялись и не знали что дѣлать.

Въ это время къ нимъ случайно зашелъ знакомый студентъ-медикъ.—Увидя трупъ ребенка и убитыхъ горемъ родителей, онъ сообразилъ въ чемъ дѣло. Ощупавъ тѣло мальчика, онъ нашелъ, что оно еще не совсѣмъ застыло и не успѣло окоченѣть. Студентъ раздѣлъ мальчика, положилъ на столъ, вставилъ ему въ ротъ небольшую коробочку, чтобы ротъ оставался открытымъ и началъ производить ему искусственное дыханіе, то вытягивая, то вновь сгибая руки мальчика. Прошло не менѣе полчася этой работы и мальчикъ ожилъ: глаза его открылись, сердце забилося и румянецъ выступилъ на его щекахъ *).

Былъ еще такой случай. Одинъ мужикъ купилъ у лѣсного сторожа пѣтуха и пару куръ благородной породы и повезъ ихъ къ себѣ домой въ ящикѣ. Ящикъ былъ крѣпко закрытъ крышкою, а ѣхать нужно было верстъ десять.

*) Искусственнымъ дыханіемъ нерѣдко оживляютъ утопленниковъ, удушенныхъ, убитыхъ грозою и т. п.

Пріѣхавъ домой, мужикъ открылъ ящикъ и нашелъ тамъ куръ и пѣтуха дохлыми.

— Дуракъ,—сказалъ ему сосѣдь:—ты бы продѣлалъ въ ящикъ дырки, а то бѣднымъ птицамъ свѣжаго воздуха не хватило!

Даже огонь тухнетъ, если къ нему не притекаетъ свѣжій воздухъ.

Въ широкогорлую стеклянку или въ банку отъ варенья опустите на проволокѣ горящій огарокъ свѣчи, послѣ чего банку закройте дощечкой или ладонью, чтобы воздухъ не притекалъ къ огню даже сверху. Свѣча скоро погаснетъ.

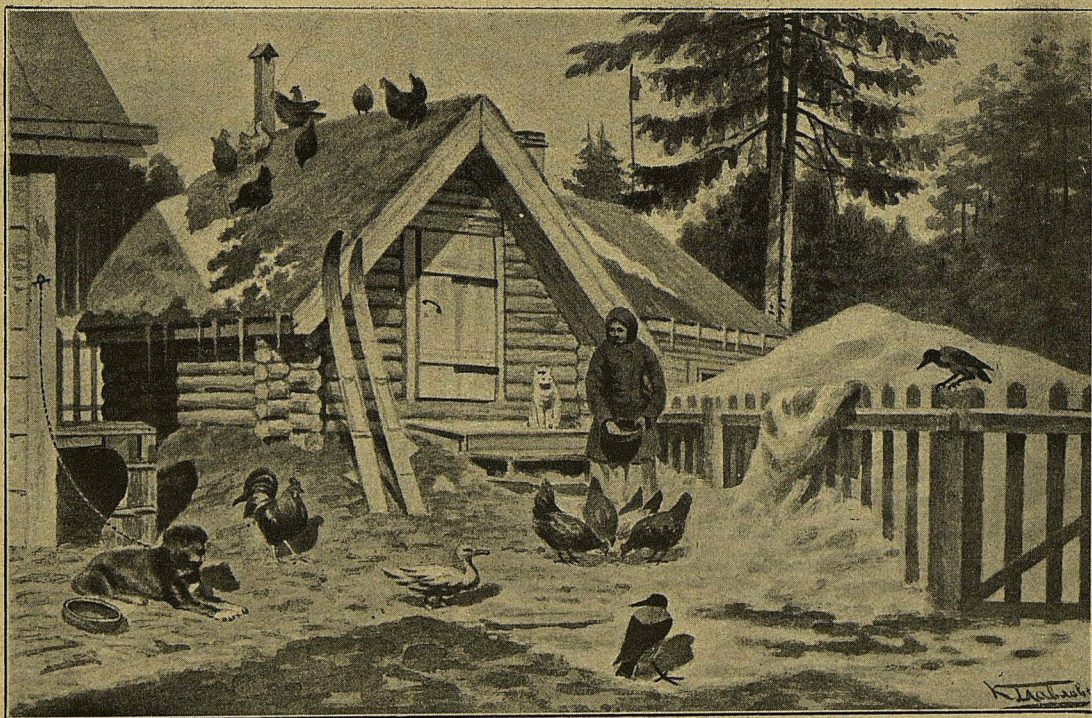
Или же поставьте огарокъ на столъ и накройте его ламповымъ стекломъ *). Если стекло будетъ неплотно стоять на столѣ, то черезъ щели между столомъ и стекломъ будетъ проходить воздухъ и тогда свѣча не погаснетъ. Но поставьте стекло на столъ вплотную, чтобы для свѣжаго воздуха не оставалось никакого прохода—и свѣча перестанетъ горѣть.

Потому-то у лампъ дѣлаютъ рѣшетки внизу горѣлки. Черезъ эти рѣшетки воздухъ подходитъ къ огню и поддерживаетъ горѣніе; отработавшійся же негодный воздухъ выходитъ изъ верхняго отверстія ламповаго стекла и смѣшивается съ комнатнымъ воздухомъ.

Съ этою же цѣлью дѣлаютъ поддувала у печей, самоваровъ, утюговъ, паровозовъ и пр. Безъ поддувала огонь или совсѣмъ потухъ бы или горѣлъ бы очень плохо отъ недостаточнаго притока воздуха.

Во многихъ семьяхъ для самоваровъ не покупаютъ уголь, а „отнимаютъ“ или „оттушиваютъ“ уголья дома изъ печки. Раскаленные уголья сыплютъ въ горшокъ и плотно закрыва-

*) Лучше всего взять узкое стекло отъ простой „кухонной“ лампы съ плоскимъ фитилемъ, потому что черезъ *широкое* стекло воздухъ будетъ свободно притекать сверху.

Раннею весной.

Рис. К. Павлова.

ють его крышкой. Уголья немедленно гаснутъ отъ недостатка свѣжаго воздуха.

Въ сундукѣ, гдѣ чуть не умеръ мальчикъ, въ ящикѣ, гдѣ подошли куры, въ банкѣ и въ стеклѣ съ горящею свѣчею, въ горшкѣ съ углями — вездѣ воздухъ былъ, но воздухъ испорченный, негодный для горѣнія и дыханія. Съ воздухомъ отъ огня и отъ дыханія дѣлается какая-то перемѣна.

Французскій ученый Лавуазье доказалъ своими опытами, что воздухъ, которымъ мы дышимъ, смѣшанъ изъ двухъ разныхъ газовъ: одинъ изъ нихъ поддерживаетъ горѣніе и дыханіе; это — *кислородъ*; другой газъ, находящійся въ воздухѣ, гаситъ огонь и не годенъ для дыханія; это — *азотъ* *).

Сдѣлаемъ еще одинъ опытъ. Налейте въ блюдечко воды и пустите на нее плавать скомканный клочекъ бумаги. Этотъ бумажный клочекъ зажгите сверху и сейчасъ же накройте стаканомъ. Бумага скоро потухнетъ, потому что весь кислородъ изъ стакана употребится на горѣніе. Останется азотъ. Вода войдетъ въ стаканъ на $\frac{1}{5}$ часть его вмѣстимости: это она заняла мѣсто исчезнуваго изъ стакана кислорода, который потратился на горѣніе бумаги.

Въ воздухѣ азоту въ 4 раза болѣе, чѣмъ кислороду. Напримѣръ, въ сороковедерной бочкѣ азоту содержится 32 ведра, а кислороду только 8 ведеръ.

И. Воскобойниковъ.

*) *Опытъ Лавуазье.* Лавуазье нагрѣвалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней ртуть въ закрытомъ сосудѣ. Горячая ртуть соединилась съ кислородомъ заключеннаго въ сосудѣ воздуха и превратилась отъ этого въ *окись ртути*. Вмѣсто воздуха въ посудѣ остался одинъ азотъ. Поглощенный ртутью кислородъ Лавуазье послѣ сильнаго нагрѣванія окиси отдѣльно собралъ.

Царство птицъ.

(Переводъ Петровой).

I.

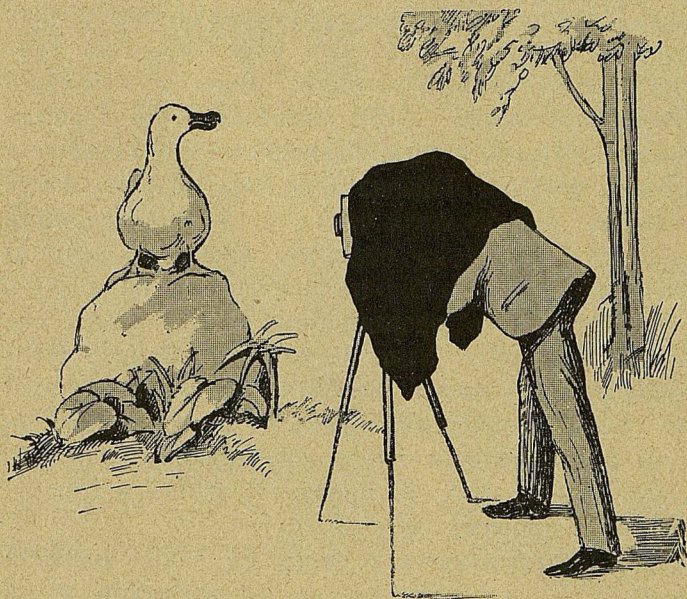

Островъ Лайзанъ, затерянный въ водахъ Тихаго Океана, только въ недавнее время привлекъ вниманіе изслѣдователей. Правительство Соединенныхъ Штатовъ снарядило туда научную экспедицію, и американскіе ученые, пріѣхавшіе въ Лайзанъ, вѣроятно, были первыми людьми посѣтившими пустынный островъ. Никогда нога человѣческая не ступала на эту землю. Зато островъ просто кишить мириадами самыхъ разнообразныхъ птицъ, являющихся его единственными обитателями. Птицы острова Лайзана впрочемъ мало походятъ на извѣстныхъ намъ птицъ: вмѣсто того, чтобъ видѣть въ человѣкѣ врага и спастись при его появленіи, пернатое населеніе острова отнеслось весьма довѣрчиво и дружелюбно къ прибывшимъ на островъ американцамъ. Съ любопытствомъ разглядывали птицы этихъ никогда невиданныхъ ими двуногихъ. Ужъ не изъ нашей ли породы эти нежданно явившіеся къ намъ гости? вѣроятно подумали птицы и рѣшили оказать имъ самый радушный пріемъ. Онѣ не только не обратились въ бѣгство при появленіи вновь прибывшихъ, но привѣтливо приблизились къ нимъ, какъ бы привѣтствуя ихъ и говоря: „Милости просимъ, милости просимъ, дорогіе гости“.

Одинъ изъ ученыхъ рассказываетъ о томъ, съ какой наивной довѣрчивостью подошелъ къ нему альбатросъ, внимательно и съ любопытствомъ разсматривая фотографическій аппаратъ, который привезъ съ собой путешественникъ. Многіе изъ этихъ альбатросовъ позволили себя снять, терпѣливо подчиняясь всѣмъ требованіямъ фотографа. А одинъ изъ дѣтенышей, еще болѣе чуждый подозрительности и страха, даже вскарабкался на столъ, на которомъ ученые разложили свои рукописи. Зябликъ и коростель весело прыгали у самыхъ ихъ ногъ, или открывали клювъ, ловя крошки, которыми ихъ кормили ученые.

Лайзанскій коростель проявляетъ особенное расположеніе къ человѣку, этому никогда невиданному имъ существу. Одинъ изъ нихъ

до того привязался къ американскому ученому, что не разставался съ нимъ ни на минуту, и за все время, которое ученый пробылъ на островѣ, не отставалъ отъ него ни на шагъ, слѣдуя за нимъ повсюду, какъ собака. Желая сфотографировать гнѣздо коростеля, ученые поставили аппаратъ въ самой чашѣ кустарника, въ которомъ было запрятано гнѣздо. Птицы при этомъ не только не испугались и не обратились въ бѣгство, но, повидимому, отнеслись къ этому такъ равнодушно, что одна изъ нихъ даже вошла въ гнѣздо

и спокойно усѣлась тамъ, прикрывшись мхомъ и волокнами, какъ будто нарочно приняла позу. Этого коростеля снимали нѣсколько разъ. Одинъ изъ ученыхъ пробовалъ испугать птицу: онъ махалъ руками, возвышалъ голосъ, но все было тщетно: коростель не обращалъ никакого вниманія на всѣ эти попытки его утратить и спо-

койно смотрѣлъ на ученаго, какъ бы говоря: „я тебя не боюсь, ты мнѣ не сдѣлаешь зла“.

Ученыхъ поразило не только необыкновенно довѣрчивое отношеніе птицъ къ людямъ, но также и ихъ несмѣтное количество: по ихъ исчисленіямъ, на островѣ должно быть неменьше милліона птицъ. Надо принять во вниманіе, что островокъ Лайзанъ весьма малъ, и тогда число это покажется намъ громаднымъ. Такой густотѣ населенія способствуетъ весьма оригинальная привычка птицъ располагать гнѣзда рядами, въ нѣсколько этажей,—одно надъ другимъ,

и каждая порода избираетъ себѣ опредѣленный участокъ, и это даетъ возможность громадному количеству птицъ размѣститься на небольшомъ клочкѣ земли. Такъ, нижній этажъ населенъ буревѣстниками; надъ ними ютятся сѣрые и черныя чагравы; повыше, въ кустарникѣ, живетъ тропическая птица съ краснымъ хвостомъ; верхній этажъ занятъ лайзанскимъ зябликомъ и его родственниками; наконецъ, на самыхъ верхнихъ вѣткахъ деревьевъ расположились гавайская чаграва и приморская ласточка.

II.

Ученые подвигались впередъ съ крайнимъ трудомъ: гнѣзда были повсюду, на каждомъ шагу можно было раздавить яйцо или наткнуться на молодой выводокъ. Удивительна также необыкновенная смѣтливость пернатого населенія острова: птицы, повидимому, прекрасно сознаютъ, что каждая порода пользуется особыми преимуществами. Такъ буревѣстникъ отлично понимаетъ, что онъ не можетъ селиться тамъ, гдѣ расположились чагравы.

Кромѣ того, каждая птичья колонія старательно отмѣчаетъ свой участокъ, и всѣ остальные уважаютъ и строго охраняютъ эти права собственности. Черная чаграва селится на возвышенностяхъ, расположенныхъ по берегу моря; сѣрая, напротивъ, ютится внизу. Обыкновенный альбатросъ завладѣлъ большою частью острова; бѣлоногій же альбатросъ живетъ только на пескѣ. Голубая птица (*Jula cyanops*) занимаетъ одинъ, очень опредѣленный, клочекъ острова. Каждая порода птицъ, такимъ образомъ, какъ бы по строго обдуманному соглашенію, заранее избираетъ себѣ опредѣленный участокъ земли, и благодаря этому птицы живутъ въ полномъ согласіи: ни войнъ, ни раздоровъ у нихъ не бываетъ.

Пернатые, населяющіе этотъ уголокъ, строго исполняютъ требованія, налагаемыя на нихъ общественною жизнью. Никто не пытается уклониться отъ соблюденія этихъ правилъ; каждый, напротивъ, старается охранять безопасность своего сосѣда такъ же, какъ и свою собственную. Такъ бѣлая чаграва кладетъ яйца въ небольшое углубленіе на склонѣ скалы и, несмотря на то, что птицы постоянно двигаются взадъ и впередъ по скалѣ, ни одно яйцо не бываетъ разбито ими.

Самыя любопытныя жилища устраиваютъ бѣлые буревѣстники, живущіе подъ землей, гдѣ они прокапываютъ что-то вродѣ длинныхъ туннелей. Исслѣдованія показали, что гнѣзда эти очень стариннаго происхожденія. Одинъ изъ ученыхъ, посѣтившихъ Лайзанъ, думаетъ, что островъ этотъ служитъ центромъ, откуда выселяются въ опредѣленное время птичьи колоніи, улетающія въ другіе края, между тѣмъ, какъ на ихъ мѣсто являются новыя. Эти прилеты и отлеты совершаются съ большою правильностью.

Происходитъ это вѣроятно потому, что островъ не можетъ вмѣстить все возрастающее населеніе. И вотъ, однѣ птицы, на основаніи взаимнаго соглашенія, выселяются съ острова, другія же являются ихъ замѣстители.

III.

Но ученые не оправдали довѣрія, оказаннаго имъ птицами: они оказались настолько жестокими, что не остановились даже передъ убійствомъ нѣкоторыхъ изъ пернатыхъ, изъ которыхъ однихъ они употребили въ пищу, другихъ присоединили къ своимъ коллекціямъ. Громкими, жалобными, полными упрека криками протестовали Лайзанскія птицы противъ этого вѣроломнаго жестокаго поступка.

Надо еще обратить вниманіе на одну особенность: мирные пернатые обитатели острова Лайзана, побывавшіе въ другихъ странахъ, возвращаются оттуда уже зараженные вліяніемъ чужеземныхъ нравовъ и обычаевъ. Буревѣстники ударами клюва разгоняютъ надобѣвшихъ имъ товарищей и такъ враждебно начинаютъ относиться къ окружающимъ, что и тѣ поневолѣ обнаруживаютъ къ нимъ неріязненныя чувства.

Всѣ эти разныя породы птицъ питаются преимущественно рыбою. Въ особенности это можно сказать о гавайской чагравѣ, которая ловитъ рыбу подобно тому, какъ ее ловитъ морская чайка. Послѣ описанной нами экспедиціи и открытій, сдѣланныхъ американскими учеными, многіе рыбаки переселились поблизости къ Лайзану: они ловятъ тамъ птицъ и дѣлаютъ ихъ своими помощниками въ рыбной ловлѣ. Бѣлая чаграва ловитъ по двѣ, по три рыбы сразу, зажимая ихъ крѣпко клювомъ.

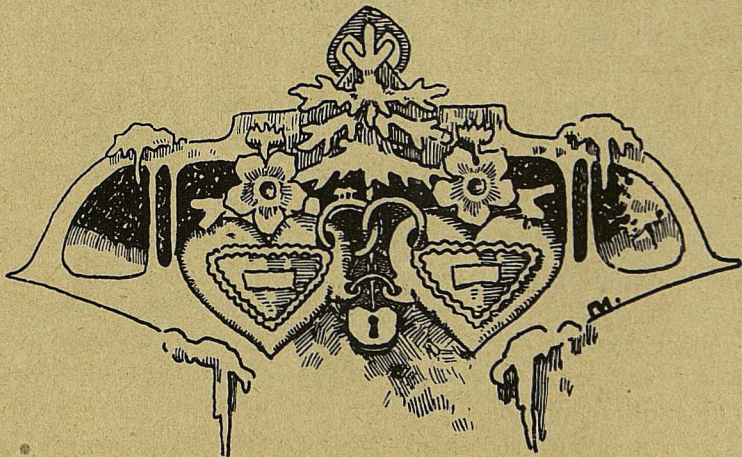
Ученые привезли много экземпляровъ различныхъ птичьихъ по-

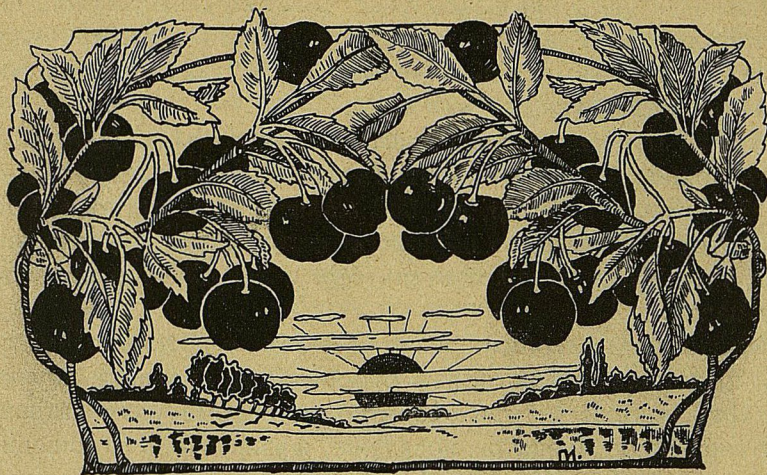
родъ. Одна изъ нихъ оказалась даже совсѣмъ неизвѣстной; ей дали названіе *Procelsterna saxatilis*; птица эта кладетъ яйца въ углубленія каменныхъ уступовъ скалъ. Ученые нашли тамъ еще дикую утку, тоже имъ неизвѣстную до тѣхъ поръ.

Островъ Лайзанъ принадлежитъ Соединеннымъ Штатамъ.

Онъ поднимается на 30 футовъ надъ уровнемъ моря. Находясь на 25° 42 южной широты, въ 800 миляхъ отъ острова Гонолулу островъ этотъ какимъ то образомъ совершенно ускользнулъ отъ вниманія ученыхъ и путешественниковъ и даже не попалъ почти ни на одну карту.

Изслѣдованія американскихъ ученыхъ, о которыхъ мы рассказывали, представляютъ во всѣхъ отношеніяхъ большой научный интересъ. Имъ пришлось тутъ вѣроятно въ первый разъ натолкнуться на многочисленное пернатое поселеніе, жизнь и всѣ отношенія котораго основаны на такихъ глубоко мудрыхъ и гуманныхъ принципахъ, что людямъ не грѣхъ было бы у нихъ поучиться и многое перенять.

Водяная лилія.

(Сказочка).

Въ тихой заводи стараго пруда, вблизи камыша и осоки, среди разбросанныхъ тамъ и сямъ по водѣ лопуховъ, стыдливо распускалась красавица-лилія.

Нѣжная и невинная, лишь недавно вынырнула она изъ-подъ воды, съ любовью взирая теперь на чудный Божій міръ. Вѣтерокъ привѣтливо ласкалъ ее, точно онъ хотѣлъ показать, что радуется появленію ея на здѣшнемъ свѣтѣ, а она, какъ бы противъ воли, кокетливо склонялась подъ его вѣяніемъ къ самой водѣ, — низко, низко... Словно желая отблагодарить ее за рожденіе и подарить за него свой поцѣлуй, „кувшинка“ любовно коснулась чуть раскрывшимися своими лепестками ея поверхности и, нѣжно прошептавъ ей: „милая!“, стройно выпрямилась на своемъ гибкомъ стебелькѣ и весело закивала граціозной головкой.

— Какъ прекрасенъ міръ!—восторженно залепетала она.—Какъ прелестны мои сосѣдки! И..., не правда ли, какая я хорошенькая!—не безъ лукавства добавила она, снова склоняясь къ водѣ и внимательно разглядывая въ ней свое отраженіе.

— Но я буду еще лучше, еще прекраснѣе!—самоувѣренно продолжала она.—Теперь я—что? Простая кувшинка! Правда, хорошенькая, но все-таки только простая!.. А вотъ когда я пышно расцвѣту, когда раскрою всѣ свои одежды и развернусь, какъ чашечка, тогда... да, только тогда я и могу назвать себя настоящей водной красавицей-лиліей!..

— Вотъ тогда и посмотрите на меня!—хвастливо закончила молоденькая кувшинка и въ упоеніи откинулась назадъ... Она продолжала мечтать...

Наивная, она не знала, что мечты такъ и остаются лишь мечтами... часто, почти всегда! Она не понимала еще горечи жизни, не была знакома съ ударами судьбы, не догадывалась, что на свѣтѣ существуютъ опасности, и что одна изъ нихъ уже грозитъ ей, этой довѣрчивой и жизнерадостной кувшиночкѣ!..

Граціозно покачиваясь на своемъ стебелькѣ, въ сладкихъ мечтахъ о томъ, какъ раскроетъ она свою чашечку и сдѣлается „настоящей“ лиліей, кувшинка не видѣла бѣды въ быстро приближавшейся къ ней лодочкѣ съ двумя коварными сѣдоками... Она оставалась спокойной... Даже, когда цѣпкая рука гимназиста стала захватывать ее, даже и тутъ она не подумала, что жизнь ея въ опасности, и лишь съ недоумѣніемъ спрашивала себя, зачѣмъ это ее трогаютъ: вѣдь, ей же это непріятно и... и больно, наконецъ!

— Ой, не надо, не на..., — вскрикнула было кувшиночка, какъ вдругъ почувствовала какую-то острую, рѣжущую боль и лишилась сознанія.

Когда она очнулась, она увидѣла себя въ рукахъ у дѣвушки-гимназистки, которая безцеремонно—вѣдь, не ей было больно!—поворачивала ее и оглядывала со всѣхъ сторонъ.

— Развѣ такъ можно. Толечка?!—услыхала вдругъ кувшиночка упрекъ дѣвушки, направленный къ гимназисту.—Ты смотри, какъ коротко сорвалъ! Испортилъ только мнѣ всю лилію! Ну, куда она теперь мнѣ годится?!.. И дѣвушка безжалостно швырнула ее въ лодку.

Горько заплакала бѣдная кувшинка. Только теперь поняла она, что должна умереть.

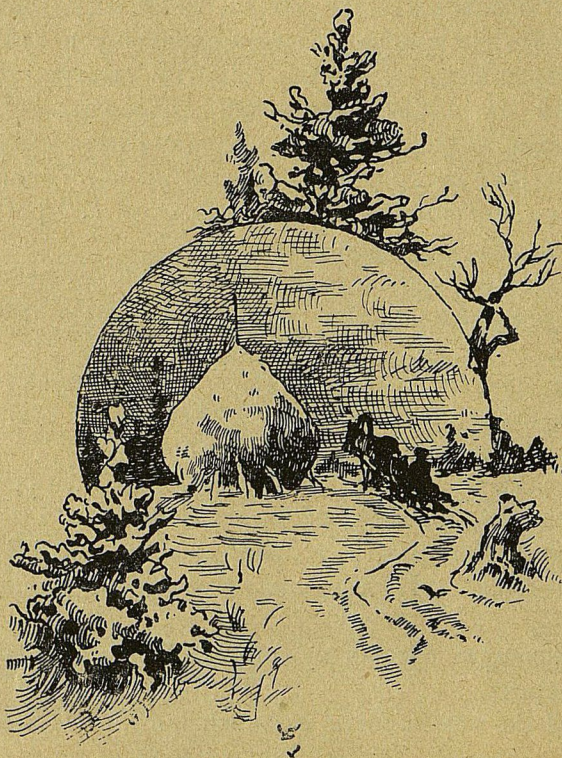
— За что? За что лишили меня жизни?!—съ укоризной шептала она, обливаясь слезами.—Зачѣмъ отняли у меня родную стихію? Гдѣ

мой стебелекъ, мой милый стебелечекъ, на которомъ я безъ устали качалась бы всю жизнь? Гдѣ камышъ и осока? Куда дѣлись красавицы-сосѣдки, лопушки и желанная мать-вода? Гдѣ вы?.. Прощайте! Всѣ прощайте!.. Я скоро, скоро умру, я не могу жить безъ воды, безъ васъ... А какъ хотѣлось жить! Такъ хотѣлось раскрыть чашечку и расцвѣсти пышно-пышно... За что же? За что я должна такъ рано погибнуть?..

— Нѣтъ, я не хочу, — безсильно рыдала кувшинка, — я не хочу умирать!.. Я хочу жить, жить!.. Кому я помѣшала?.. Мнѣ хочется...

Въ это время дѣвушка нечаянно наступила на нее, раздався легкій хрустъ, и навѣки кончились страданія бѣдной кувшиночки, столь безцѣльно оторванной отъ воды и такъ безславно погибшей на грязномъ лодочномъ днѣ.

Владиміръ Назанскій.

Книги для чтенія дѣтей.

Избранныя сочиненія А. С. Пушкина, для дѣтей младшаго возраста. Изданіе журнала „Игрушечка“. С.-Пб. 1899 г. Цѣна 60 коп.

Вначалѣ идетъ біографія Пушкина. Въ ней всего больше рассказывается о дѣтскихъ годахъ поэта, о томъ, какъ маленькій Саша забирался къ нянѣ или бабушкѣ и слушалъ ихъ безконечныя сказки и рассказы, которые онъ передалъ потомъ въ своихъ чудесныхъ стихахъ. Дальше уже помѣщены его сочиненія: прологъ, въ которомъ онъ изображаетъ весь сказочный міръ; сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ, гдѣ жадная, недовольная старуха хочетъ саму золотую рыбку сдѣлать своей слугой и жестоко за это платится; сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ, въ которой рассказывается, какъ злая мачеха хотѣла извести свою падчерицу, молодую, прекрасную царевну. Дальше идутъ отдѣльныя стихотворенія. Въ нѣкоторыхъ Пушкинъ вспоминаетъ свою няню, свою дѣтскую жизнь, въ другихъ изображаетъ народныя повѣрья, русскую природу. Всѣ эти произведенія проникнуты красотой и любовью къ родинѣ.

Съ внѣшней стороны книжка очень хороша. Картинки такъ подобраны и такъ ихъ много, что сказочные образы встаютъ передъ читателемъ, какъ живые. Печать хорошая.

Е. М.

Левъ Толстой. Чѣмъ люди живы. (Сказка). Ослушался одинъ ангелъ Бога, не хотѣлъ онъ вынуть душу изъ женщины, у которой должны были остаться двѣ малютки-сиротки. Думалъ онъ, что некому будетъ о нихъ позаботиться. Тогда наказалъ Богъ ангела: сдѣлалъ его человѣкомъ и велѣлъ жить на землѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не узнаетъ, чѣмъ люди живы. Прожилъ ангелъ на землѣ у одного сапожника шесть лѣтъ и узналъ онъ, что люди живы не только тѣмъ, что заботятся сами о себѣ, да о своихъ близкихъ родственникахъ, а живы люди любовью ко всѣмъ, кто несчастнѣе ихъ. Когда ангелъ узналъ, чѣмъ люди живы, Богъ взялъ его опять на небо.

Е. М.

Левъ Толстой. Кавказскій плѣнникъ.

Когда у русскихъ была война съ кавказскими горцами, одинъ разъ къ нимъ попали въ плѣнъ два нашихъ офицера, Жилинъ и Костылинъ. Жилина горцы-татары полюбили, потому что онъ зналъ нѣкоторыя ремесла; но безъ выкупа домой ни одного изъ нихъ не отпускали. Пока Жилинъ былъ въ плѣну, онъ приглядывался къ жизни татаръ; ему было интересно видѣть, во что они одѣваются, что ѣдятъ, какъ молятся Богу, какъ хоронятъ своихъ покойниковъ. Но ему все хотѣлось убѣжать изъ плѣна. Первый разъ онъ бѣжалъ съ Костылинымъ, но ихъ поймали и посадили въ яму. Во второй разъ Жилинъ бѣжалъ одинъ, ему помогла маленькая татарочка, Дина, которой онъ раньше дѣлалъ глиняныхъ куколъ. И Жилинъ, хотя съ трудомъ, а добрался до русской крѣпости.

Е. М.

Маминъ-Сибирякъ. Аленушкины сказки. Изд. Д. И. Тихомірова, 1907 г. Цѣна 1 руб.

Укладываетъ папа свою маленькую дочку, Аленушку, спать и рассказываетъ ей на ночь сказки. Одинъ глазокъ у Аленушки спитъ, другой—смотритъ; одно ушко спитъ, другое—слушаетъ. Рассказываетъ папа о храбрѣмъ зайцѣ, которому надоѣло весь вѣкъ и всего бояться и который такъ расхрабрился, что обѣщалъ, если встрѣтитъ волка, то самъ его съѣстъ. Рассказываетъ о Комарѣ Комаровичѣ, который воевалъ съ медвѣдемъ и выгналъ его изъ своего комариного болота. Вотъ передъ Аленушкой маленькая козявочка, которая думала, что и солнышко и травка и вода, все это принадлежать ей, и только потомъ увидала, какъ много у нея враговъ и какъ трудно жить на свѣтѣ. Слышитъ Аленушка про двухъ плутовъ, Ерша Ершовича и Воробья Воробеича, которые сначала жили въ ладу, а потомъ другъ друга обворовали; слышитъ она про Воронушку-черную головушку, которая взяла подъ свое покровительство улетѣвшую изъ клѣтки канарейку, но ни за что не хотѣла повѣрить, что она настоящая птица. Много и другихъ интересныхъ сказокъ рассказываетъ папа Аленушкѣ. Да и во снѣ видитъ она чудесныя вещи; видитъ тѣ далекіе теплые края, гдѣ растутъ прекрасныя цвѣты, залетаетъ на божьей коровкѣ въ тѣ холодныя страны, гдѣ зимой и для птичекъ устраиваютъ елку. Папины сказки, Аленушкины сны и записаны въ этой книжкѣ.

Книжка богата прекрасно исполненными рисунками, кромѣ того къ ней приложены на отдѣльныхъ листахъ семь портретовъ нашихъ лучшихъ писателей.

Отпечатана книжка очень красиво, на толстой бумагѣ, крупнымъ шрифтомъ.

Е. М.

Маминъ-Сибирякъ. Свѣтлячки. Изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе.“

По большей части люди наблюдаютъ жизнь природы и ея красоту только днемъ, потому что ночь проводятъ во снѣ. Но и ночью жизнь не менѣе оживленна, когда изо всѣхъ укромныхъ уголковъ выползаютъ всевозможныя животныя, которыя днемъ обыкновенно, спятъ, притаившись въ своихъ норкахъ. Эта ночная, жизнь лѣса и развертывается въ разсказахъ Свѣтлячка о его приключеніяхъ, а слушаютъ его дѣдушка-водяной и маленькая русалочка. По внѣшнему виду книжка очень изящна, съ рисунками, и отпечатана крупнымъ шрифтомъ.

Е. М.

Маминъ-Сибирякъ. Емеля-охотникъ. Изд. Ступина 1903 г. Цѣна 50 к.

Больной мальчикъ Гришутка попросилъ у своего дѣда, стараго охотника Емели, подстрѣлить ему маленькаго олененка. Собрался Емеля, взявъ собаку Лыску и пошелъ въ лѣсъ. Долго искалъ онъ, наконецъ, выслѣдилъ матку-оленья съ дѣтенышемъ. Олененокъ былъ какъ разъ такой, какого хотѣлъ внучекъ: маленькій, желтенькій, съ черненькой мордочкой. Матка почуяла охотника и, чтобы спасти дѣтеныша, готова была пожертвовать своей жизнью. Когда Емеля увидѣлъ это, онъ вспомнилъ Гришуткину мать, какъ она спасла сынишку тѣмъ, что прикрыла его отъ волковъ собственнымъ тѣломъ. Волки заѣли ее, а Гришутка остался цѣлъ. Вспомнилъ это Емеля и не сталъ стрѣлять въ олененка.

Книжка снабжена хорошими картинками и отпечатана на толстой бумагѣ крупными, отчетливыми буквами.

Е. М.

Дмитріева. Малышъ и жучка. Изд. Фребелевскаго О-ва. Цѣна 50 к.

Здѣсь разсказывается, какъ собака Жучка спасла своего ма-

ленькаго хозяина—Малыша, когда онъ во время метели шелъ изъ школы домой, въ другую деревню.

Книжка издана очень хорошо, съ картинками, отпечатана крупнымъ шрифтомъ на толстой бумагѣ.

Е. М.

А. Купринъ. Бѣлый пудель. Изд. Сытина. Цѣна 20 коп., въ папкѣ 35 коп.

Разсказъ идетъ о странствующей труппѣ, которая состояла изъ старика - шарманщика, мальчика - акробата и дресированнаго пуделя. Жили они дружной семьей, и пудель былъ такой же равноправный членъ, какъ и всѣ остальные. И вотъ, когда для потѣхи избалованнаго барчука, пудель былъ у нихъ украденъ, мальчикъ не побоялся никакой опасности, чтобы только выручить своего четвероногого друга.

Книжка издана хорошо, съ картинками, печать отчетливая.

Е. М.

Дмитріева. Горюнь. Изд. Фребелевскаго О-ва. Цѣна 50 коп.

Горюнь—мальчикъ пріемышъ одной бѣдной женщины, круглый сирота. Онъ такъ чудесно игралъ на самодѣльной дудкѣ, что его заслушивались и старый и малый. Когда его отдали въ пастухи къ богатому купцу, онъ тамъ познакомился съ больной дочкой этого купца, приносилъ ей цвѣтовъ, камушковъ, птичекъ, рассказывалъ, что дѣлается въ лѣсу, въ полѣ, игралъ ей на дудкѣ. Одинъ разъ съ нимъ случилась бѣда, тогда дѣвочка заступилась и помогла своему пріятелю Горюшѣ. Разсказъ написанъ очень интересно. Книжка отпечатана на толстой бумагѣ, крупными, отчетливыми буквами и снабжена прекрасными картинками.

Е. М.

Жуковский. Овсяный кисель. Изд. Сытина.

Мать въ крестьянской семьѣ усаживаетъ дѣтей за столъ и кормитъ ихъ овсянымъ киселемъ. При этомъ она рассказываетъ дѣтямъ, что въ каждомъ зернышкѣ овса находится малютка-зародышъ, и сколько горя и радости пришлось ему пережить, прежде чѣмъ онъ выросъ, сталъ колоскомъ и попалъ на мельницу.

Книжка издана очень красиво и богата интересными, раскрашенными картинками. Печать крупная.

Е. М.

Робинзонъ. Изъ „Ясной Поляны“. Изд. т-ва „Общественная польза“ 1903 г. Цѣна 15 к.

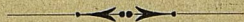
Въ этой книжкѣ разсказывается о приключеніяхъ Робинзона Крузе. Ему очень хотѣлось увидѣть чужія страны, и онъ тайкомъ отъ родителей уѣхалъ путешествовать. Одинъ разъ корабль, на которомъ ѣхалъ Робинзонъ, наскочилъ на подводный камень и со всѣми людьми затонулъ. Одного Робинзона выбросило на необитаемый островъ. Онъ очутился въ безвыходномъ положеніи. У него не было ни орудіи, съ помощью которыхъ можно бы добыть пищу, ни огня, чтобы сварить что нибудь. Но Робинзонъ не упалъ духомъ, а мало-по-малу сталъ пріискивать себѣ все, необходимое для жизни. Онъ прожилъ на островѣ двадцать лѣтъ, и это время его жизни богато самыми интересными приключеніями.

Е. М.

Загадки.

- 1) Кругла, да не мячикъ,
Съ хвостомъ да немышь.
- 2) Не преступна, не грѣшна,
А свободы лишена,
Безъ вины повѣшена.
- 3) Рогатъ, да не быкъ,
Хватаетъ, а не сытъ,
Людямъ отдаетъ,
А самъ въ уголъ встаетъ.

Шарады.

- 1) Здѣсь слогъ *первый*, междометье,
Удивленье выражаетъ;
Слогъ *второй* и *третій* вмѣстѣ

Ярко залу освѣщаютъ;
 На *конецъ* взято нарѣче,
 Имъ, въ отвѣтъ, подтверждають;
Всѣхъ—сидящихъ на балконѣ
 Отъ паденья ограждаютъ.

Н. А. Т.

- 2) Мы видимъ *первое* за чаемъ;
Вторымъ лицо украшено;
Все—на судахъ морскихъ встрѣчаемъ,
 Вступаетъ съ вѣтромъ въ споръ оно.

Н. А. Т.

Магическій квадратъ.

6	7	8	9
10	11	12	13
14	15	16	17
18	19	20	21

Переставить въ клѣткахъ даннаго квадрата
 цифры такъ, чтобы суммы ихъ въ горизонталь-
 номъ и вертикальномъ направленіи и по діаго-
 налямъ = 54.

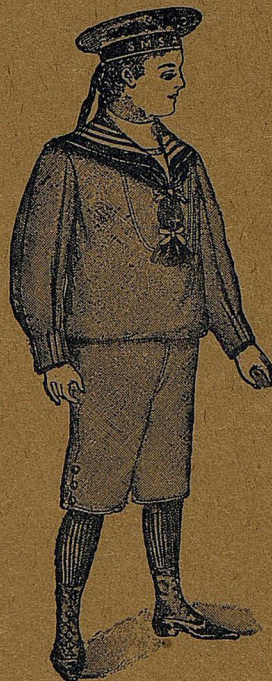
Содержаніе: Стихотвор. Колыбельная пѣсня и Ласточкѣ (Турецкая пѣсня). П. Переваловъ.—Въ глубь вѣковъ П. Джунковскаго (Продолженіе).—Воздухъ. И. Востокбойниковъ.—Царство птицъ.—Водяная лилія. В. Назанскій.—Книги для чтенія дѣтей.—Загадки.—Шарады.—Рисунокъ: Раннею весной.

ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ

Т-ГО Д-МА

Русаков и Попов
МОСКВА,

Кузнецкій пер., (близъ Петровки), домъ Горчакова, 4 — 17.

Иллюстрированныя прейс-куранты бесплатно.

Открыта подписка на 1908 г.

(2 годъ изданія)

на популярно - образовательный и литературно - художественный иллюстрированный

журналъ для дѣтей 9—12-лѣтняго возраста,

„ДѢТСКІЙ МІРЪ“

Журналъ ставитъ своей задачей оказывать нравственное вліяніе на зарождающееся сознание молодыхъ читателей и удовлетворять запросы пытливаго дѣтскаго ума о различныхъ явленіяхъ внѣшняго міра.

Въ программу журнала входятъ: повѣсти, рассказы, стихотворенія, популярныя статьи по гігіенѣ, зоологіи, ботаникѣ, физикѣ, химіи, механикѣ (опыты и задачи), біографіи ученыхъ, художниковъ, писателей, общественныхъ дѣятелей; легкія музыкальныя произведенія; шутки, загадки, ребусы и пр.

Журналъ помѣщаетъ повѣсти и рассказы, только взятые изъ жизни, и избѣгаетъ страшныхъ сказокъ и всего неестественнаго, что можетъ вредно отзываться на нервной системѣ дѣтей.

Религіозные вопросы журналъ освѣщаетъ преимущественно со стороны точнаго толкованія Евангелія.

Журналъ держитъ дѣтей вдали отъ политическаго движенія страны; на запросы же своихъ читателей отвѣчаетъ, придерживаясь идей всеобщаго равенства.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ ПРИ УЧАСТІИ:

Е. Бѣмъ, Н. Бронскаго, Г. Володина, И. Воскобойникова, Н. Гиляровской, Проф. С. Глазенапа, А. Гречанинова, П. Джунковскаго, Н. Клинкаго, В. Омарова, Проф. Н. Кочетова, А. Куприна, Ц. Кюи, Л. Пастернакъ, Петрова-Леонидова, Л. Чарской, Е. Чирикова, К. Шестакова, Т. Щепкиной-Куперникъ, Н. Якубовскаго и др.

Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ безъ всякихъ приложеній.

Подписная цѣна на годъ 3 руб. съ пересылкой.

Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи, Москва, Малая Лубянка, 18, Телеф. № 15-03, въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“, Москва, Кузнецкій мостъ, а также въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-Издатель Н. И. ФИДЕЛЛИ.